

щая первым и главным поводом для вражды и раздора. Только это существенное добавление делает автор «Братьев Карамазовых» по сравнению с текстом приведенной евангельской притчи, а все остальное разрешает, как говорилось, в ее духе.

Числа «три» и «четыре» важны для понимания романа в целом. Число двадцать пять, о котором тоже следует сказать, имеет более узкий смысл. Двадцать пять рублей получает Ракитин за то, что приводит Алешу к Грушеньке. За этим числом стоят тридцать сребреников. В данном случае одно число заменяет другое, чтобы параллель Алеша — Христос, Ракитин — Иуда не была слишком облаженной и не произвела бы тем самым впечатление нехудожественное. Но параллель эта существует. Она создается косвенными путями, и двадцать пять, поставленное вместо тридцати, имеет здесь то же значение, что и Ракитин, поставленное вместо Осинина. «Он (Алеша, — В. В.) пошел поскорее лесом, отделившим скит от монастыря, и, не в силах даже выносить свои мысли, до того они давили его, стал смотреть на вековые сосны по обеим сторонам лесной дорожки. Переход был не длинен, шагов в пятьсот, не более; в этот час никто бы не мог и повстречаться; но вдруг на первом изгибе дорожки он заметил Ракитина. Тот поджидал кого-то.

«— Не меня ли ждешь? — спросил, поравнявшись с ним, Алеша.

«— Именно тебя, — усмехнулся Ракитин» (9, 101).

Встреча Алеша с Ракитиным происходит вслед за тем, как старец отправляет Алешу в «мир». Происходит на изгибе безлюдной дороги, по которой «в этот час» спешит подавленный и грустный Алеша. В тот же день, возвращаясь в монастырь, на безлюдной же дороге, на перекрестке, Алеша встречает своего брата Митю. «От города до монастыря было не более версты с небольшим. Алеша спешно пошел по пустынной в этот час дороге. Почти уже стала ночь, в тридцати шагах трудно уже было различать предметы. На половине дороги приходился перекресток. На перекрестке, под уединенною ракитой, завиделась какая-то фигура. Только что Алеша вступил на перекресток, как фигура сорвалась с места, бросилась на него и неистовым голосом прокричала:

«— Кошелек или жизнь!» (9, 195).

Из ненавязчивых деталей, соединяющих выход Алеша в «мир» и возвращение его из «мира» в первый день, заметим связь между Ракитиным и той «уединенной ракитой», под которой ожидает брата Митя. Эта ракита здесь же упоминается еще дважды, сопрягаясь с мотивом повешения. Митя говорит Алеше: «Стой. Посмотри на ночь: видишь, какая мрачная ночь, облака-то, ветер какой поднялся! Спрятался я здесь под ракитой, тебя жду, и вдруг подумал (вот тебе бог!): да чего же больше маяться, чего ждать? Вот ракита, платок есть, рубашка есть, веревку сейчас можно свить, помочи в придачу и — не бременить уж более землю, не бесчестить низким своим присутствием!» (9, 195).

Соединение «ракиты» с мотивом повешения, а того и другого вместе — с именем Ракитина («Ракитка», как его называет Грушенька) подсказывает читателю ассоциации, законность которых вполне утверждается в дальнейшем повествовании. Эти ассоциации были бы более прямыми и следовательно, более явными, если бы Ракитин был назван Осининым, ибо по народному поверью именно на осине повесился Иуда, отчего ее листья с тех пор и трепещут. Мотив повешения в связи с осиною мог бы в этой ситуации быть опущен: не названный, он разумелся бы здесь сам собой. Но автор идет более сложными путями, хотя результат его усилий один — сопоставить «семинариста-карьериста» Ракитина с Иудой, Алешу с Христом.